



ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Владимир Гельман

«Либералы» versus
«демократы»: идейные
траектории постсоветской
трансформации в России

Препринт М-72/19
**Центр исследований
модернизации**



Санкт-Петербург
2019

УДК 323.396
ББК 66.3(2Рос)
Г 32

Г-32 **Гельман В.**

«Либералы» versus «демократы»: идейные траектории постсоветской трансформации в России / Владимир Гельман: Препринт М-72/19. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 42 с. — (Серия препринтов; М-72/19; Центр исследований модернизации).

В работе рассматривается борьба идей модернизации в процессе трансформации России в 1980–1990-х годах. Анализируется генезис и эволюция двух основных идейных течений этого периода — «либералов» (приоритетом для которых выступало строительство эффективной рыночной экономики) и «демократов» (приоритетом для которых выступало становление демократических свобод и институтов). Основное внимание уделено истокам и противоречиям данных идейных течений, причинам и следствиям размежеваний в среде их сторонников, а также воздействию идей модернизации на ход и результаты общественных преобразований в нашей стране.

Информация об авторе: Владимир Яковлевич Гельман (vgelman@eu.spb.ru) — кандидат политических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и университета Хельсинки

Какова роль идей в процессах модернизации в целом и в постсоветской модернизации в России в частности? Специалисты расходятся в оценках вклада идей в строительство новых институтов и практик в различных странах в те или иные исторические периоды и по-разному отвечают на вопрос о том, являются ли идеи причиной преобразований или же выступают их следствием (Inglehart, Welzel, 2005; North et al., 2009; Acemoglu, Robinson, 2012). Однако применительно к анализу процессов политической, экономической и социальной трансформации в постсоветской России, скорее, преобладает представление о том, что идеи носили вторичный характер по отношению к интересам ключевых игроков (Травин и др., 2017). Означает ли это, что роль идей в России конца XX — начала XXI века была и остается настолько незначительной, что ею можно пренебречь, поставив в фокус политического анализа деятельность оппортунистов — политиков и бизнесменов, которыми движут исключительно корыстные мотивы и которые добиваются или не добиваются своих целей, не опираясь на идеи или же используя их исключительно как орудия манипуляций? Хотя опыт постсоветской России демонстрировал немало примеров такого рода (Hoffman, 2002; Dawisha, 2014; Авен, 2018), было бы неверным сводить процессы экономических и политических изменений в нашей стране исключительно к борьбе противоборствующих интересов, полностью выводя за скобки идеи, — эти измерения в ходе преобразований дополняют, но не замещают друг друга.

Между тем идеи и идеологии (далее эти термины будут употребляться как синонимы) в процессе модернизации в современной России демонстрировали существенное отличие от ряда других посткоммунистических стран, переживавших сходные процессы «тройного перехода» (Offe, 1991) в тот же период времени. В странах Восточной Европы идеи строительства демократии (здесь и далее обозначены как демократические идеи) и перехода к рыночной экономике (здесь и далее обозначены

как либеральные идеи) взаимно дополняли и усиливали друг друга в процессе посткоммунистической трансформации от падения прежних режимов до вступления в состав Европейского Союза (Appel, Orenstein, 2016), что позволило более или менее успешно разрешить «дилемму одновременности» (Offe, 1991) политических и экономических преобразований. Такое сочетание идей во многом помогало этим странам более или менее успешно и одновременно решить ключевые задачи преобразований в относительно короткие сроки.¹ Однако в России 1990-х годов либеральные и демократические идеи (и их носители) вступили в острое противоречие: представления о том, что путь страны к экономическому благополучию может и должен обойтись без демократии, которая способна создать помехи экономическим реформам, если не обратить их вспять, не только преобладали в публичных дискуссиях, но и влияли на принятие политических решений. В результате идеи строительства демократии сперва оказались за рамками перечня приоритетов политической повестки дня, затем принесены в жертву идеям экономической модернизации страны, а в 2000–2010-е годы были исключены из меню опций правящих групп. Напротив, идеи строительства эффективной рыночной экономики доминировали в официальном дискурсе правящих групп и служили важным ориентиром при выработке политического курса как в 1990-е, так и в 2000-е годы, хотя их влияние со временем ослабевало. Наконец, в 2010-е годы они также оказались сняты с политической повестки дня, и на сегодняшний день их воздействие на политические процессы и политический курс в России явно незначительно.

Чем объяснить «развод» демократических и либеральных идей в постсоветской России, который произошел в 1990-е годы, и их последующий упадок в 2000–2010-е годы? И был ли обусловлен нынешний упадок и демократических, и либеральных идей в России их «разводом», который произошел в 1990-е годы? Поиски ответов на эти вопросы требуют переосмысления как роли идей в процессе модернизации в целом и в нашей стране в частности, так и тех траекторий, которые демонстрировали демократические и либеральные идеи в России на протяжении последних трех десятилетий. Эти идеи продвигались их носителями — политиками, аналитиками, публицистами (в рамках данной работы

¹ Еще одним измерением «тройного перехода», по мнению Оффе, было создание национальных государств на руинах бывшей коммунистической империи. При всей важности этого аспекта его углубленный анализ выходит за рамки данной работы.

обозначенных, соответственно, как «демократы» и «либералы»), роль которых в формировании, эволюции и борьбе идей в конце 1980-х — начале 1990-х годов была неочевидна. Не претендуя на исчерпывающий анализ, данная работа призвана обозначить проблемы, связанные с генезисом и эволюцией двух основных идейных течений российской модернизации конца XX — начала XXI века — «либералов» и «демократов»,² противоречиями между ними, размежеваниями в среде их носителей и сторонников, а также воздействием идей посткоммунистической модернизации на ход и результаты общественных преобразований в нашей стране.

Я утверждаю, что «развод» демократических и либеральных идей в России 1990-х годов отчасти стал следствием тех процессов, которые переживала страна накануне и в ходе перестройки. Он не был изначально задан и предопределен, но важнейшие события конца 1980-х — начала 1990-х годов наложили неизгладимый отпечаток на идейные траектории «либералов» и «демократов» и усугубляли противоречия между этими течениями. К ним относятся слабость и неоформленность реформистских идей на момент начала перестройки, межпоколенческие противоречия между шестидесятниками и семидесятниками, а также ошибочные оценки и ожидания перспектив страны на фоне высокой неопределенности периода масштабных преобразований. В 1990-е годы, объективно обусловленное снижение роли идей и их носителей по мере становления нового политико-экономического порядка в России повлекло за собой их последующий упадок: идеи вскоре уступили место интересам, которые в гораздо большей мере стали влиять на траектории последующего развития страны. Моя работа построена следующим образом. После рассуждений о роли идей в процессах российской модернизации представлен краткий обзор динамики идейного ландшафта в современной России и его влияния на изменения в стране в конце XX — начале XXI века. Далее кратко прослеживается эволюция демократических и либеральных идей в России, начиная с периода перестройки, и анализируются причины и следствия их траекторий развития. Некоторые соображения о нынешнем состоянии этих идей и их перспективах представлены в заключении работы.

² В рамках данной работы эти термины (с кавычками) используются прежде всего как самоназвания.

Идеи и модернизация: случай России

Различные работы, посвященные постсоветскому политико-экономическому развитию в России, отталкиваются от тезиса о том, что идеи играли в этих процессах не слишком значимую роль. Так, Генри Хейл полагает, что постсоветские политики в борьбе за завоевание и удержание власти прежде всего боролись за мобилизацию патрон-клиентских сетей, в то время как идеи оставались не востребованными в этой борьбе как на уровне спроса, так и на уровне предложения (Hale, 2015) на фоне преобладания клиентелистской политики над программной. Стивен Хэнсон, сравнивая идейный ландшафт посткоммунистической России с Веймарской Германией и со становлением Третьей республики во Франции (Hanson, 2010), отмечал, что в российском случае идеи оказались недостаточно оформлены и структурированы, что, по его мнению, оказало негативное влияние на формирование партийной системы в стране. Сходную позицию занимал и автор этих строк, утверждая, что после распада СССР идеи слабо повлияли на трансформацию российского политического режима, исход которой прежде всего был обусловлен характером борьбы элит за власть (Gel'man, 2015a).

Означает ли это, что в ходе анализа посткоммунистической модернизации в России идеями можно попросту пренебречь? Такого рода вердикт, скорее всего, означал бы, что вместе с водой оказался выплеснут и ребенок. Во-первых, идеи были и остаются важны для определения приоритетов политического курса и государственного строительства в стране. Во-вторых, хотя роль идей в посткоммунистических преобразованиях в России в целом оказалась не слишком велика, идеи были весьма значимы в отдельных «точках перелома», когда политики делали стратегический выбор в пользу тех или иных вариантов дальнейшего развития страны — будь то запуск рыночных экономических реформ осенью 1991 года или присоединение Крыма к России весной 2014 года. В-третьих, наконец, сам по себе факт низкого влияния идей на процессы преобразований в стране также нуждается в объяснении. Идеи воздействовали на поведение представителей элит и масс в ходе модернизации различных стран (Травин, Маргания, 2004) и служили важным двигателем преобразований периода перестройки в СССР, когда дискуссии сторонников различных реформистских идей захлестывали страну (Urban et al., 1997; Reddaway, Gliniski, 2001; Шейнис, 2005; Травин, 2010; Сигман, 2014). Что же повлекло за собой упадок этих идей на протяжении последующего десятилетия и далее?

Определение места идей в процессах модернизации в России прежде всего требует уточнения понятий. Идеи в рамках данной работы рассматриваются инструментально, то есть не как набор неких разработанных политических доктрин, а как способ восприятия проблем. Идеи значимы для процесса модернизации в силу своих позитивных и нормативных функций. Они помогают элитам и массам сформулировать свои представления о желаемом общественном устройстве и о способах его достижения (North, 1981: 49), вынести суждение о соответствии статускво этим представлениям и минимизировать количество информации, необходимой для принятия решений (что особенно значимо в условиях неопределенности) (Hinich, Munger, 1994). Таким образом, идеи позволяют создать и поддерживать те или иные «ментальные модели» (Denzau, North, 1994), помогающие предпринимать действия на основе восприятия информации. В русле этого подхода, например, Вадим Радаев анализировал процесс смены хозяйственных идеологий в России 1980–1990-х годов (Радаев, 1998: 276–306), а коллектив с участием автора этих строк — идеологии в сфере реформ местного самоуправления в России (Гельман и др., 2002: гл. 1).

Из этого понимания идей следует, что спрос на них в рутинных условиях не столь велик: элиты и массы могут следовать прежним «ментальным моделям» на протяжении довольно длительного времени (по Норту — десятилетиями), а производители идей — политики, эксперты и автономные интеллектуалы — по большей части воспроизводить ранее сложившиеся суждения, лишь отчасти модифицируя их. В таких условиях, идеологии уподобляются брендам товаров, позволяющим избирателям в день голосования соотнести собственные предпочтения с позициями партий и/или кандидатов (Downs, 1957). Ребрендинг прежних идей не слишком меняет идейный ландшафт. Но спрос на новые идеи возрастает в периоды бурных перемен, которые характерны для радикальных трансформаций, подобных тем, что переживала Россия в 1980-е и 1990-е годы. Новые идеи возникают и продвигаются их производителями и распространителями, которые пытаются как можно выгоднее «продать» свои идеи элитам и массам и завоевать поддержку на идейном рынке, вытесняя и/или поглощая конкурентов. Иногда формирование и продвижение новых идей занимает несколько десятилетий, как происходило с неолиберализмом на Западе (Стедмен-Джоунс, 2017), но порой новые идеи переживают бум гораздо быстрее. При этом одни новые идеи возникают спонтанно и эндогенно, в то время как другие импортируются из одних политических и интеллектуальных контекстов, преломляясь

сквозь призму восприятия их «импортерами» и реципиентами и порой переживая довольно сильные метаморфозы. Сочетание меняющейся динамики спроса и предложения идей наряду с эффектами деятельности различных агентов по их продвижению во многом определяют исход идейной борьбы в период радикальных перемен, и современная Россия в этом плане вовсе не выступает исключением.

Однако Советский Союз вступил в период трансформаций во второй половине 1980-х годов в довольно своеобразной идейной ситуации. С одной стороны, на протяжении долгих десятилетий рынок идей был монополизирован господствовавшей в стране официальной версией марксизма-ленинизма, в то время как альтернативные идеи проникали на этот рынок обходными путями, сталкиваясь с крайним догматизмом со стороны официального истеблишмента, боровшегося против проявлений инакомыслия (Шахназаров, 2001; Черняев, 2009). При этом официальные советские догматы настолько обветшали, что уже в период «долгих 1970-х» не могли выполнять позитивные функции — жизнь советского общества кардинально расходилась с официальными нормативными образцами, а построенное на официальных догматах знание не могло дать убедительных ответов на вопросы о проблемах страны и их возможных решениях. С другой стороны, в отсутствие условий для развития социальных и гуманитарных наук, которые могли бы создать интеллектуальную среду для разработки новых идей, востребованных в ходе преобразований, дискуссии о путях развития страны вынужденно ограничивались узкими кругами участников, главным образом на уровне неформальных кружков и семинаров (Батыгин, 1999; Змеина, 2006; Авен, Кох, 2013; Кловер, 2017). Сказанное относится не только к тем советским интеллектуалам, кто являлся частью истеблишмента, работая в рамках советских учреждений («институтчики»), но и к тем из них, кто открыто выступал против советского строя в рядах диссидентского движения и публиковался в «самиздате и/или «тамиздате».³

Закрытость СССР от внешнего идейного влияния также была высока — несоизмеримо выше, чем в социалистических странах Восточной Европы. Если такие ключевые фигуры преобразований посткоммунистического периода, как Клаус и Бальцерович, задолго до начала реформ

³ За исключением отдельных выдающихся примеров (таких как эссе Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»), большинство текстов советских диссидентов носило, скорее, публицистический, нежели аналитический, характер.

регулярно ездили на стажировки и конференции в университеты США и Западной Европы, то советским молодым экономистам приходилось чуть ли не тайком в спецхране читать статьи Яноша Корнаи, опубликованные в англоязычном венгерском журнале *Acta Oeconomica*, а зарубежные поездки для большинства из них стали доступны лишь в годы перестройки (Змеиная, 2006; Васильев, 2011). Поэтому знания советских специалистов о зарубежном опыте модернизации в лучшем случае были весьма частичны и фрагментарны, а об их вкладе в международную дискуссию говорить почти не приходилось. Как следствие, взгляды российских интеллектуалов на проблемы политического и экономического развития страны и мира, за редким исключением, были неоформленными и не слишком последовательными: не приходится удивляться тому, что они подчас сильно менялись под воздействием обстоятельств. Оторванность от международной среды на протяжении долгих десятилетий вызвала у российских интеллектуалов бум представлений об «особом пути» России и об уникальности и специфичности ее прошлого, настоящего и будущего едва ли не во всех проявлениях — эти представления и по сей день служат *main stream* российской общественной мысли (Травин, 2018). Эти тенденции проявились и в отторжении импорта ряда идей: так, Иоахим Цвайнерт, анализировавший борьбу экономических идей в ходе рыночных реформ в России, пришел к выводу о том, что многие западные идеи в 1990-е годы столкнулись со столь сильным сопротивлением внутри страны, что в России (в отличие от Восточной Европы) они так и не укоренились в последующие десятилетия (Zweynert, 2018).

Не приходится удивляться тому, что внезапное и полное разрушение прежней монополии на советском идейном рынке, произошедшее в конце 1980-х годов, стало своего рода «большим взрывом», который протекал на фоне стремительного изменения ситуации в стране. Запреты пали на фоне резкого взлета спроса на новые идеи со стороны как элит, искавших варианты выхода из нараставшего кризиса, так и общественности, искавшей ответа на классические вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» (Травин и др., 2017: гл. 1). Публичные дискуссии интеллектуалов оказывались в центре внимания, в то время как дискредитировавшие себя официальные догматы утрачивали всякую значимость. Образовавшийся дефицит на идейном рынке заполнялся спонтанно: импорт идей из-за рубежа сопровождался обращением к дореволюционному идейному наследию, моральные авторитеты (от Андрея Сахарова и Дмитрия Лихачева до Льва Гумилева и Александра Солженицына) воспринимались чуть ли не как пророки, мода на идеи и их лейблы меня-

лась с невероятной скоростью, а сами идеи подчас не встречали адекватной критической рефлексии. Барьеры выхода на идейный рынок, вчера еще запретительно высокие, вдруг оказались невероятно низкими, порой открывая дорогу прежде маргинальным идеям от евразийства до геополитики (Кловер, 2017). Тем, кто вырабатывал и/или продвигал новые идеи, оказалось не так уж сложно донести их до резко расширившейся аудитории: гораздо сложнее оказывалось закрепиться на идейном рынке и оказать не разовое, а систематическое интеллектуальное воздействие как на принятие и выработку политических решений, так и на умы и сердца сограждан. Масштабные перемены в стране ставили на повестку дня все новые вопросы, и оттого недавние интеллектуальные гуру вскоре оказывались почти что позабытыми «героями вчерашних дней».

Более того, по мере дальнейших преобразований в стране спрос на новые идеи начал снижаться, да и круг проблем, стоявших на текущей повестке дня в России, кардинально изменился: то, что обсуждалось в конце 1980-х, утратило актуальность в середине 1990-х. Политическая повестка дня оказалась насыщена борьбой групп интересов, а идеи оказывали все меньшее воздействие на принятие политических решений (во второй половине 1990-х годов Ельцин даже поставил задачу выработки национальной идеологии в стране — эта задача, как и многие другие, решена не была). После консолидации авторитарного режима в 2000-е годы российские власти если и нуждались в идеях, то, скорее, лишь в политико-технологическом ключе — в отличие от СССР, современный российский авторитаризм не привязан к господствующей идеологии, и его руководители могут вполне прагматично использовать различные идеи в своих целях. Общественность, с энтузиазмом воспринимавшая идейную борьбу на рубеже 1980-х и 1990-х годов, со временем все меньше обращала внимание на идеи и их носителей, которые, в свою очередь, также эволюционировали со временем. На смену прежней монополии на идейном рынке нашей страны пришел плюрализм, и в сегодняшней России без труда можно обнаружить сторонников самых разных идейных течений, как импортированных из-за рубежа (будь то марксизм или либертарианство), так и «доморощенных». В отличие от конца 1980-х и начала 1990-х годов, взаимодействие между ними носят характер не столько диалога (включающего острую полемику), сколько взаимного игнорирования и параллельного сосуществования, напоминая ресторан с отдельными столиками и отдельными меню для разных категорий посетителей (Almond, 1988).

Такое положение дел, впрочем, не является чем-либо особенным для России — ее отличие в этом плане от многих других развитых стран состоит в том, что конкуренция идей не проявляется на электоральной арене и лишь в ограниченной мере затрагивает выработку политического курса. Тем не менее идеи являются значимым фильтром для восприятия проблем российскими элитами и политическими лидерами, которые транслируют свои представления на уровень масс (Sokolov et al., 2018; Taylor, 2018), и наследие идейной борьбы 1980–1990-х годов по-прежнему значимо для понимания логики этого восприятия. Да и сами идейные течения данного периода не исчезают с российской политической карты: они меняются со временем, но опыт периода перестройки, распада СССР и турбулентных «лихих» 1990-х до сих пор служит важнейшей «точкой отсчета» для восприятия как текущих проблем и тенденций, так и рецептов дальнейших перемен (или отсутствия таковых). Излишне говорить о том, что и многие носители этих идей сами были участниками и свидетелями преобразований 1980-х и 1990-х годов, и этот опыт также наложил значительный отпечаток на восприятие ими проблем страны.

По мнению Радаева, менее чем за десятилетие (с середины 1980-х по середину 1990-х годов) в стране сменилось четыре господствующие идеологические парадигмы — от социалистической к демократической, затем к либеральной и к консервативной (Радаев, 1998: 276–306). Каждый из этих поворотов следовал за сдвигами на политической арене: попытки обновления советской экономической системы (1985–1987/88), гласность и демократизация в СССР (1987/88–1990/91), кризис и крах советской системы и запуск радикальных экономических реформ (1990/91–1993), исчерпание реформ и последующая постреволюционная стабилизация (после 1993 года).⁴ Однако не стоит рассматривать изменения идейного ландшафта исключительно как проекцию текущих политико-экономических преобразований в СССР и России. Напротив, сами идеи (и их носители) оказывали немалое воздействие на ход и результаты преобразований в стране и выступали важнейшим фактором принятия ключевых политических решений. Принесение «обновления» в жертву «гласности», передача власти от КПСС к Советам, проведение первых конкурентных выборов народных депутатов, децентрализация

⁴ Несколько отличающийся набор идей и их траекторий описывал наш коллектив авторов (Травин и др., 2017: гл. 1) — ортодоксально-коммунистические, социалистические, либеральные и националистические идеи.

советского государства и его последующий роспуск, запуск программы экономических реформ и отказ от реформ политических, острый конфликт между президентом и Съездом народных депутатов России и принятие Конституции России 1993 года — вот лишь некоторые развилки на этом пути. Каждый из этих «критических моментов» (*critical junctures*) эпохи и их последствия стали результатом не только борьбы групп интересов (хотя они безусловно играли значимую роль), но и борьбы идей. Поэтому необходим более пристальный анализ тех идей, которые были ориентированы на реализацию политических и экономических реформ и связаны со строительством демократии и рыночной экономики в нашей стране. Такой анализ призван объяснить, почему, в отличие от многих стран Восточной Европы (Przeworski, 1991; Appel, Orenstein, 2016), в России идеи демократизации и рыночных экономических реформ во многом оказались противопоставлены друг другу, что серьезно повлияло на исход как политических, так и экономических преобразований (Åslund, 2007; Gel'man, 2015a).

Парадоксальным образом, говоря о борьбе идей в посткоммунистической России, исследователи уделяли гораздо большее внимание коммунистам и националистам — тем идейным течениям, которые в том или ином обличье выступали против модернизации страны (Vujacic, 1996; Flikke, 1999; Кловвер, 2017; Laruelle, 2018). В то же время работы, посвященные демократическим и либеральным партиям в России, которые по-разному продвигали идеи модернизации страны в 1990-е годы (Hale, 2004; Gel'man, 2005; White, 2006), лишь в малой мере затрагивали анализ их идеологий. Критические рефлексии со стороны самих «демократов» и «либералов» (Шейнис, 2005; Змеиная, 2006; Авен, Кох, 2013), хотя и содержат немало ценных сведений, лишь отчасти обсуждают вопросы о причинах и следствиях «развода» этих идейных течений в России. Поэтому в поисках ответов на эти вопросы следует выявить их генезис и механизмы эволюции на фоне масштабных перемен в нашей стране.

Следует оговориться, что «либералы» и «демократы» в России выступали своего рода взаимно пересекающимися множествами — одни и те же российские политики, аналитики, публицисты и другие производители и распространители идей зачастую одновременно выступали в качестве как «либералов», так и «демократов» и порой даже публично идентифицировали себя и в том и в другом качестве, а некоторые из них со временем в силу как внешних обстоятельств, так и индивидуальных траекторий переходили в иные идейные лагеря. Однако в рамках данной

работы эти две категории выделены в аналитических целях как идеально-типические образцы, позволяющие понять логику идейного ландшафта посткоммунистической России.

«Демократы» без либерализма: утраченные иллюзии

Основными носителями демократических идей в период перестройки в Советском Союзе выступили активные представители поколения шестидесятников: эти идеи продвигали в жизнь, прежде всего те интеллектуалы и общественные деятели, становление политических воззрений и развитие профессиональных и общественно-политических карьер которых пришлось на период между XX съездом КПСС и подавлением Пражской весны.⁵ Хрущевская оттепель и связанные с ней большие надежды на успешное развитие страны сформировали (и/или существенно изменили) мировоззрение шестидесятников (Барбакадзе, 2007). Однако период застоя, охвативший страну во время правления Брежнева, не только надолго задержал восхождение многих представителей этого поколения по карьерной лестнице, но и сделал неактуальными немалое число их идей, сформированных в период оттепели: поколение шестидесятников пережило своего рода «замораживание» на два десятилетия (Zubok, 2009: ch. 9). Когда шестидесятники, постаревшие на два десятилетия, оказались в период перестройки на авансцене общественной и политической жизни страны, то казалось, что Советский Союз как будто вернулся вдруг на некоторое время в эпоху оттепели. «Дети XX съезда» заняли многие ключевые позиции во властных структурах, доминировали в перестроечной журналистике, предлагали ключевые научные концепции развития общества. Популярные писатели, режиссеры, артисты, эссеисты, принадлежавшие к этому поколению и регулярно публично высказывавшиеся в СМИ по вопросу о том, как следует дальше жить стране, на некоторое время стали «властителями дум». Те, кто присоединился к «демократам» в период перестройки и позже, во многом ориентировались на шестидесятников и отчасти до сих пор следуют заложенным ими интеллектуальным и идейным традициям.

Для «демократов» времен перестройки основной целью была дальнейшая реализация программы оттепели: политический плюрализм

⁵ В этом и следующих разделах использованы материалы ранее опубликованной статьи (Гельман, Травин, 2013).

в СМИ и на уровне принятия решений, безвозвратное осуждение политических репрессий, расширение свобод и устранение многочисленных запретов советской эпохи (цензура в СМИ, ограничения зарубежных поездок и т. д.). По сути, речь шла о дальнейшей политической либерализации советского режима, и на первом этапе перестройки эти предложения были достаточно робкими (Афанасьев, 1988), в то время как наступившие перемены оказались слишком внезапными — демократизация и свободные выборы очень скоро привели к расширению прежних пределов мечтаний: на время показалось, что желанные свободы уже вот-вот близки и достаточно лишь преодолеть последние барьеры, чтобы, говоря словами одного из перестроечных публицистов, «стать Европой» (Баткин, 1988). Переход к демократии виделся ими как результат уступок прежнего руководства перед напором жаждущих свобод народных масс.⁶ Но, столкнувшись с реальными проблемами трансформации, «демократы» зачастую оказывались не готовы к стоящим перед страной проблемам — в лучшем случае предлагаемые ими решения отличались наивностью, в худшем — они оказывались попросту не в состоянии сформулировать осмысленные и реалистичные позитивные альтернативы стремительно менявшемуся статус-кво (Fish, 1995; Шейнис, 2005).

Проблема «демократов» состояла в том, что их «ментальные модели» во многом отражали систему координат, заданную коллективным опытом периода оттепели со всеми присущими ей достоинствами и недостатками. Эта система координат изначально предполагала постепенные и частичные изменения сложившихся в СССР политических и экономических отношений (при приоритете первых над вторыми), а не их полный пересмотр и замену — к такому повороту событий многие «демократы» оказались не готовы. Она также не могла учитывать и изменений, произошедших со времен оттепели в стране и мире: шестидесятники шли в перестройку как в последний бой своей (уже прошедшей) войны, вооруженные не только весьма догматическими, но и устаревшими «ментальными моделями». Неудивительно, что этот бой в конечном счете был ими проигран, а провозглашавшиеся ими идеи оказались дискредитированы. Не виной, а бедой «демократов» стало то, что они по своему опыту и мировоззрению были недостаточно готовы для использования тех возможностей трансформации общества, которые предоставила им перестройка.

⁶ Справедливости ради, стоит отметить, что и западная политическая наука в те времена воспринимала смену режимов в распадавшемся коммунистическом лагере в схожем ключе (Huntington, 1991; Przeworski, 1991).

Эволюции идей шестидесятников прежде всего препятствовало отсутствие возможности для воплощения слова в дела. Дискуссии о преобразованиях в СССР, которые велись с середины 1950-х до середины 1980-х годов, практически ничем не заканчивались. Соответственно, для участников этих дискуссий четкое формулирование своей позиции, изложение взглядов (хотя бы в узком кругу) и, наконец, публикация текста превращались в самоцель. Распространение идей было важнее их воплощения в жизнь: о практическом применении своих идей, о том, чтобы стать настоящими реформаторами, шестидесятники вряд ли всерьез думали, поскольку времена будущих реформ казались им невероятно далекими. Поэтому все силы, весь талант, вся страсть шестидесятников обращались на то, чтобы перехитрить советский режим и высказаться. Когда же час реформ пробил, то многие «демократы» не смогли выработать реальные альтернативы тому курсу, который пытались проводить руководители страны, и тем более не были готовы к воплощению их в жизнь. Помимо прочего, далеко не все «демократы» способны были взять на себя личную ответственность за принятие и реализацию ключевых решений. Характерно, например, что в 1992 году в поисках авторитетной фигуры, способной заменить Егора Гайдара на посту премьер-министра России, представители команды Ельцина обратились к академику Юрию Рыжову. Яркий интеллектуал-шестидесятник, в 1991 году назначенный послом России во Францию, ответил отказом, не пожелав менять статусный пост на нелегкую работу по выведению страны из кризиса (Авен, Кох, 2013). Впрочем, многие рядовые активисты «демократов», особенно в провинции, явно недотягивали по своему уровню до того, чтобы успешно участвовать в принятии и реализации значимых решений (Fish, 1995; Lukin, 2000): презрительный ярлык «демшиза», наклеенный на них политическими оппонентами, был не совсем далек от действительности. Тем не менее стоит отметить, что наиболее способные тогдашние активисты из числа «демократов» позднее сами многому научились и приобрели солидный управленческий опыт: однако такие случаи оказались редкими.⁷

Прежний опыт оттепели и ее краха — внезапно дарованных и позднее отобранных свобод — породил у «демократов» своеобразные комплексы и синдромы. Речь шла не только о петициях, адресованных

⁷ Скорее, успех в этом отношении сопутствовал не шестидесятникам, а их более молодым коллегам по демократическому движению, таким как Борис Немцов или Владимир Рыжков.

наверх, в качестве способа решения проблем, но и о страхах перед реальными или вымышленными угрозами лишиться свобод. Многие «демократы» перестроечной поры почти панически боялись любых выступлений со стороны радикальных коммунистов и/или русских националистов, хотя эти течения не пользовались существенным спросом на нарождавшемся в те времена идейном рынке (Травин и др., 2017: гл. 1). Вместе с тем, транслируя свои идеи на публику (в ходе выборов, но не только), «демократы» воспроизводили бинарную оппозицию «против номенклатуры КПСС — за демократию», давая немало поводов для критических высказываний в свой адрес по части того, что демократия воспринималась ими как власть «демократов» (Lukin, 2000). Характерно, что даже после краха КПСС главным пугалом в глазах «демократов» выступал «номенклатурный реванш» (сохранение у рычагов управления представителей прежних элит) (Номенклатурный, 1992), а самой сокровенной, но так и не сбывшейся мечтой — люстрация в отношении той же «номенклатуры». При этом агитация в пользу идей «демократов» и их носителей имела по преимуществу инструментальный характер: демократия преподносилась как необходимое условие решения текущих проблем страны («не будет демократии — не будет колбасы»). Но представления о том, как именно надо решать эти проблемы, у самих «демократов» были весьма размытыми. Они порой предлагали решения проблем национально-государственного устройства СССР в духе «ребята, давайте жить дружно», без серьезного понимания породивших их причин,⁸ а лозунг, предложенный осенью 1991 года одним из лидеров «демократов» Юрием Афанасьевым в ответ на вызовы сепаратизма в России — «Россия единая, но делимая», — поставил в тупик даже самих активистов (Reddaway, Glinski, 2001).

Экономическая повестка дня в мировоззрении «демократов» носила периферийный характер. Поддерживая переход страны к рыночной экономике (по принципу «за все хорошее, против всего плохого»), «демократы» по большей части имели смутные представления о путях решения этой проблемы. Поэтому они порой ориентировались на устаревшие образцы (как венгерский «гуляш-социализм» или югославское производственное самоуправление) и/или предполагали соединение несовместимых элементов: в целом уровень восприятия нараставших экономических проблем в стране не выдерживал критики (Сонин, 2007). Так,

⁸ Примером такого рода может служить разработанный академиком Сахаровым проект «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» (Сахаров, 1989).

программа блока «Демократическая Россия» в ходе кампании по выборам народных депутатов РСФСР 1990 года сочетала в себе призывы к равенству всех форм собственности и требования замораживания розничных цен на период перехода к рынку. По свидетельству одного из авторов документа Виктора Шейниса, программа, по сути, представляла собой компиляцию предложений, которые выдвигались различными демократическими кандидатами (Шейнис, 2005, т. 1: 255–259), вообще без какого-либо намека на механизмы практической реализации идей. Нереалистичский характер таких положений уже тогда подвергался справедливой критике (Васильев, Львин, 1989), но вплоть до 1991 года она не обсуждалась всерьез. История не терпит сослагательного наклонения, и мы никогда уже не узнаем, какую экономическую политику стали бы проводить «демократы», если бы в их руках в 1991 году оказались рычаги власти, но можно предположить, что она могла оказаться намного более градуалистской, нежели тот вариант, который пытались реализовать «либералы» из команды Гайдара; тем более трудно судить о том, каковы могли бы оказаться последствия данного политического курса. В целом же следует согласиться с утверждением, что «демократы» в своих представлениях о реформах в экономике (и не только) исходили из желаемого, а не из возможного (Васильев, Львин, 1989).

По существу, политическая программа «демократов» оказалась выполнена в августе 1991 года, причем не только и не столько в результате их собственных усилий, сколько как результат непреднамеренных последствий непродуманных действий советского руководства во главе с Горбачевым. Неудивительно, что крушение прежнего режима, оказавшееся столь внезапным для «демократов», поставило под вопрос их идеи. К выработке новой повестки дня большинство из вчерашних «прорабов перестройки» оказались явно не готовы, что с горечью отмечали как сами «демократы», так и симпатизировавшие им наблюдатели (Шевцова, 1999; Reddaway, Glinski, 2001; Шейнис, 2005, т. 2). Более того, уже первые шаги посткоммунистической России вызвали у ряда «демократов» глубокие разочарования (Буртин, 1992), а дальнейшее развитие событий после 1993 года выталкивало их в сторону «принципиальной» политической оппозиции российскому режиму (Gel'man, 2005). Однако идейное лидерство «демократов» еще до августа 1991 года было перехвачено другим течением — «либералами»: по своему багажу, приоритетам и подходам они кардинально отличались от своих предшественников. Прежде всего отличались друг от друга носители идей: на смену отцам-шестидесятникам пришли дети-семидесятники.

Стоит оговориться, что граница этих поколений была достаточно зыбкой, хотя 1968 год —разгром Пражской весны и окончание оттепели в СССР — служил ясным водоразделом, но формирование личностных приоритетов носило длительный по времени характер и не было линейным и однозначным, не говоря уже о том, что взгляды многих россиян порой менялись во времени довольно существенно (Sokolov et al., 2018). Среди семидесятников можно было без труда обнаружить тех политиков, аналитиков и публицистов, чье восприятие мира и выстроенная в соответствии с ним система координат были близки к шестидесятиникам (противоположные примеры встречались куда реже). Тем не менее межпоколенческий разрыв сыграл немалую роль в дальнейшем расхождении траекторий «демократов» и «либералов» в России.

«Либералы» без демократии: политика без иллюзий

Семидесятники формировались в условиях «долгих 1970-х годов» — в период между крахом оттепели и началом преобразований эпохи перестройки. Он характеризовался не только отсутствием значимых преобразований в СССР и стремлением законсервировать статус-кво в политике и экономике, но и отсутствием надежд на «светлое будущее», которые были характерны для времен юности и молодости шестидесятников. Новое подрастающее поколение должно было учиться жить сегодняшним днем в условиях тех правил игры, которые задавали тогдашние лидеры страны. Такие условия объективно способствовали развитию прагматизма, а во многих случаях и цинизма. Этот прагматизм мог принимать различные формы: от приспособления к существующей политической системе ради успешной карьеры и высокой зарплаты до стремления стать квалифицированным специалистом в конкретной области. Как то, так и другое хорошо сочеталось с равнодушием, а то и презрением к официальной коммунистической идеологии. Надо было не мечтать о совершенствовании или тем более трансформации советской системы, не строить «воздушные замки», а добиваться конкретных результатов «здесь и теперь». Для одних семидесятников эти результаты выражались в возможности лучше обустроить свою жизнь в материальном смысле, для других — в том, чтобы получить признание коллег и уважать самого себя за достигнутые успехи. Оба этих направления часто пересекались: высокая квалификация, достойная зарплата, успешная карьера и безразличие к комму-

нистической идеологии вполне сочетались между собой (Yurchak, 2005; Травин, 2011; Гельман, Травин, 2013).

Однако безразличие семидесятников к официальной идеологии отнюдь не означало их полной нечувствительности к любым идеям. Просто сами эти идеи ими воспринимались через призму прагматических интересов, то есть не в нормативном, а в позитивном ключе: не как абстрактные цели развития всего общества, а как средства достижения их собственных целей — не более того, но и не менее. Поэтому не стоит удивляться, что риторика «демократов»-шестидесятников изобиловала противопоставлениями власти и общества (Афанасьев, 1988), в то время как в воспоминаниях «либералов»-семидесятников для общества места почти не находилось вообще (Змеиная, 2006; Авен, Кох, 2013). Их заботы касались экономики, а политика (в смысле *politics*) в лучшем случае рассматривалась как набор условий и ограничений для проведения политического курса (в смысле *policy*), в худшем — не вызвала интереса. Именно прагматическое восприятие идей определяло и отношение к основным направлениям преобразований времен перестройки: в отличие от поколения шестидесятников с их неоправданными иллюзиями, у многих семидесятников никаких иллюзий не было изначально.

Семидесятники поддерживали идеи рыночных реформ, видя в них средство избавления от неэффективности советской экономики и повышения жизненного уровня: собственно, такие приоритеты наряду с наработанными знаниями в сфере экономики и сделали их «либералами». Именно экономическая повестка дня преобладала в их дискуссиях периода перестройки (Змеиная, 2006; Васильев, 2011) и оставалась в центре этих дискуссий в последующие десятилетия (Авен, Кох, 2013). Вся остальная система координат (включая сферу политики, но не ограничиваясь ею) оказалась почти полностью привязана в восприятии «либералов» к категориям экономической эффективности (Капустин, 1995; Радаев, 1998: 276–306). А вот идеи демократии, вышедшие на передний план в конце 1980-х, были восприняты сугубо инструментально и как минимум неоднозначно. Если политическая либерализация как средство снятия наиболее бессмысленных и раздражавших запретов (ограничения доступа к информации, возможностей поездок за рубеж и так далее) сама по себе ими одобрялась, то представления о демократии как о власти народа, разделении властей, защите прав меньшинств вызывали у «либералов» (в отличие от «демократов») смешанную реакцию. Более того, на фоне усугублявшегося кризиса прежней системы в период перестройки длинные и подчас бесплодные дискуссии на общеполитические

темы все чаще воспринимались ими как бесполезная «говорильня», а многие шаги советского руководства в сфере экономической политики (Åslund, 1991; Miller, 2016) вызывали глубокие разочарования.

Именно эти различия в восприятии и разность в приоритетах (политика у «демократов» vs. экономика у «либералов») и вызвали первые идейные размежевания между «демократами» и «либералами» в конце 1980-х: там, где «демократы» видели борьбу «хорошего» и «плохого», воспринимая перестройку как борьбу ее идейных сторонников и противников (Заславская, 1988), «либералы» видели борьбу плохого с худшим, то есть борьбу между нежеланием ничего менять в экономике и в управлении страной и некомпетентными попытками исправить ситуацию в стране с помощью полумер, лишь усугублявших кризис (Gaidar, 2007). Сходным образом, если «демократы» воспринимали массовую мобилизацию общественных движений перестроечной поры как признак демократизации, то для «либералов» она выглядела как один из признаков «смут» и как источник рисков для экономики и управления государством (Гайдар, 2009). Эти различия в восприятии вызывали у «либералов» стремление к поиску альтернативных решений в сфере *politics*.⁹ Неудивительно, что в противоположность «дилемме одновременности» часть «либералов» были подхвачены тезисы о необходимости рыночных реформ в условиях жесткого авторитарного режима.

Впервые идея о необходимости и даже желательности авторитаризма как инструмента для реформирования советской системы вошла в публичный оборот в СССР усилиями Андрианика Миграняна (Мигранян, 1989), в особенности в связи с его интервью вместе с Игорем Клямкиным, опубликованным в «Литературной газете» под характерным заголовком «Нужна железная рука?» (Мигранян, Клямкин, 1989). Мигранян не слишком убедительно обосновал свою идею, прибегая к ссылкам на зарубежный опыт,¹⁰ и вскоре был подвергнут уничтожающей критике

⁹ Стоит отметить, что молодые «либералы» в период перестройки вовсе не были «властителями дум» в публичных дискуссиях, где тон задавали «демократы»-шестидесятники, и их позиционирование как сторонников идей, далеких от тогдашнего *mainstream*, отчасти носило стратегический характер. Вместе с тем они прагматично использовали предоставленные демократизацией возможности для собственного карьерного продвижения (Змеиная, 2006) — в частности, активно участвовали в субнациональных выборах 1990 года.

¹⁰ Критически настроенные наблюдатели (Reddaway, Glinski, 2001: 61) полагают, что Мигранян попросту позаимствовал свои идеи из известной книги Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах» (Huntington, 1968).

под не менее характерным заголовком «Мертвый хватает живого» (Баткин, 1989). Эта дискуссия (как и многие другие эпизоды публичной полемики того времени) не оказала сколь-нибудь значимого влияния на политическую повестку дня, и рассматривать ее как предтечу авторитарного поворота в России после распада СССР (Sautman, 1995) было бы неоправданным преувеличением. Однако табу на обсуждение авторитарных решений проблем страны оказалось снято. Если для «демократов»-шестидесятников, переживших сталинские репрессии и отказ от них во времена оттепели, связанный с репрессиями авторитаризм рассматривался как однозначно неприемлемое решение, то для «либералов»-семидесятников оно было не более чем одной из возможных опций для проведения экономических преобразований.

В том же 1989 году Сергей Васильев и Борис Львин отмечали нарастающий разрыв между острой необходимостью в проведении глубоких и болезненных экономических реформ и намерениями и властей и демократической общественности растянуть этот процесс во времени, опираясь на мягкие и не оправдывающие себя методы их проведения. По мнению авторов, у руководства СССР возрастали стимулы к тому, чтобы прибегнуть к авторитаризму во имя проведения реформ, в то время как на уровне республик страны могли возникнуть стимулы к демократизации с опорой на национализм (Васильев, Львин, 1989). В плане выработки *policy recommendations* сходные соображения легли в основу «Аналитической записки по концепции перехода к рыночной экономике в СССР», подготовленной в марте 1990 года Ассоциацией социально-экономических наук (создана в 1989 году и возглавлялась Анатолием Чубайсом) (Жестким курсом, 1990). Этот документ заслуживает более подробного цитирования:

«Целью настоящей работы является исследование возможных последствий ускоренного перехода СССР к рыночной экономике (концепция “большого скачка”)... высокая вероятность экономических забастовок в базовых отраслях промышленности и политических забастовок в крупных городах. Основными лозунгами этих забастовок будет недопущение роста цен, поддержание высокого уровня занятости, повышение заработной платы в соответствии с ростом цен и недопущение высокой дифференциации доходов. В этих условиях правительству очень важно принять правильный тон по отношению к обществу: с одной стороны — готовность к диалогу, с другой стороны — никаких извинений и колебаний. Следует предусмотреть ужесточение мер по отношению к тем силам, которые покушаются на основной костяк мероприятий реформы, например, роспуск официаль-

ных профсоюзов в случае их выступления против правительственных мер, а также создание параллельных профсоюзов... Совершенно необходимы меры прямого подавления по отношению к представителям, реально не пользующегося поддержкой населения [так в тексте — *В. Г.*]... С другой стороны, необходимо сохранять политические отдушину — плюрализм и гласность во всем, что не касается политической реформы...

Основным социально-политическим аспектом реформы является сохранение политическим руководством страны и правительством контроля над ситуацией в стране и за самим ходом реформы... Сопrotивление реформе широких масс связано с необходимостью осуществления в ее ходе жестких и непопулярных мер и неизбежных издержек... местные советы с преобладанием демократов настроены в высшей мере популистски: обещания, данные избирателям в ходе предвыборной кампании, отнюдь не настраивают депутатов на поддержку жестких непопулярных реформенных мероприятий. Последнее обстоятельство в значительной мере может быть отнесено и к существующим и к возникающим в стране партиям и движениям ... Особое место займут стачкомы, по своей ориентации популистские организации, а по организованности и роли в экономической жизни — потенциально наиболее сильные в стране. Роль этих организаций в блокировании реформы способна превзойти сопротивление всех общественных движений и властных структур, вместе взятых, поэтому на время проведения реформы (или по крайней мере ее решающих этапов) потребуются чрезвычайное антизабастовочное законодательство. Демократические движения и партии, в принципе готовые поддержать реформу, окажутся в сложном положении в связи с преобладанием на начальных этапах реформы непопулярных мер и тяжелых социально-экономических последствий.

Следует учитывать, что нынешние масштабы демократического движения существенно превышают уровень распространения демократических представлений и ценностей в массовом сознании, в том числе о демократических началах функционирования экономики. Большая часть этих движений имеет мощную популистскую поддержку, поэтому под воздействием политических трудностей, вызванных реформой, произойдет их сдвиг в сторону популизма, причем в ряде случаев, не только левого, но и правого. Наиболее болезненной проблемой для демократов и одной из главных линий раскола станет необходимость выражения своего отношения к неизбежным в ходе реформы антидемократическим мерам правительства (запреты на забастовки, контроль над информацией и пр.).

Из сказанного следует как минимум два вывода. Во-первых, реформа или, по крайней мере, подготовка к ней общественного мнения должна быть начата как можно быстрее — до формирования мощной оппозиционной прессы, то есть пока контроль за основной частью mass-media остается в руках правительства (не исключено, что с этой целью придется задер-

жать принятие законов о печати и о политических партиях). Во-вторых, в самое ближайшее время идеологам реформы из состава политического руководства страны необходимо поставить под свой контроль все центральные средства массовой информации. Следует иметь в виду, что непосредственное цензурирование публикаций и передач о реформе невозможно и даст скорее отрицательный эффект, поэтому основным рычагом управления должна быть кадровая политика.

Фундаментальным является противоречие между целями реформы (построение демократического хозяйства и общества) и средствами ее осуществления, среди которых не последнее место займут меры антидемократического характера. Данное противоречие тяжело отразится на легитимности реформы и в особенности на отношениях правительства с отдельными группами работников, политическими движениями и средствами массовой информации...»

Какого-либо воздействия на политический курс союзных властей «Аналитическая записка» не оказала и не могла оказать: их повестка дня в тот момент была совершенно иной (Gaidar, 2007), не говоря уже о том, что предложенную ее авторами стратегию авторитарных рыночных реформ было попросту некому реализовывать. Скорее, этот документ отражал нормативное видение проблем экономических реформ и возможных способов их разрешения. Неудивительно, что авторы «Аналитической записки» преувеличивали одни опасности рыночных преобразований и недооценили другие. Риски популистской экономической политики, которых «либералы» весьма всерьез опасались, на деле в посткоммунистическом мире оказались, скорее, исключением, чем правилом (Frye, 2010; Johnson, 2016; Appel, Orenstein, 2016). Да и угрозы массовых протестов под антирыночными лозунгами были сильно преувеличены: масштаб этих выступлений в 1990-е годы оказался невелик, а главными их спонсорами выступали вовсе не стачкомы, а региональные администрации (Robertson, 2011). Вместе с тем документ однозначно предполагал неизбежность и безальтернативный характер авторитаризма во имя рыночных реформ. В реальности такая комбинация политических и экономических условий для большинства посткоммунистических стран оказалась не характерна: на деле авторитаризм нигде не способствовал рыночным успехам (Hellman, 1998; Frye, 2010), да и опыт разворачивавшихся на глазах «либералов» рыночных реформ в Восточной Европе (Змеиная, 2006; Авен, Кох, 2013) как раз говорил об ином. Также примечательно и то, что переход к рыночной экономике рассматривался авторами «записки» как одноразовый «большой скачок» с бинарным

возможным исходом (либо успех, либо полный провал), а промежуточные и/или компромиссные варианты ими не обсуждались.

Впрочем, к тому моменту образцы для подражания «либералов» начали претерпевать изменения. Уже в 1989 году Виталий Найшуль призывал ориентироваться в ходе рыночных реформ не на Венгрию и Югославию и даже не на страны Западной Европы с их зарегулированной экономикой и этатизмом, а, скорее, на опыт США (Найшуль, 1989). В том же ряду поисков образцов для подражания стояла и поездка группы российских «либералов» в Чили, организованная Найшулем в апреле 1991 года — ее венчала встреча участников с Пиночетом, к тому времени вынужденным уйти в отставку под давлением демократизации. Многочисленные позитивные отзывы об успехах чилийских реформ, подкрепленные фотографиями в компании бывшего диктатора, в немалой мере способствовали инверсии восприятия Пиночета. Бывший главный злодей в глазах советской пропаганды на какое-то время превратился в главного реформатора, хотя в реальности чилийский опыт реформ был куда более сложным и многогранным, да и в целом служил исключением из общих правил по многим параметрам (Дерлугьян, 2010; Травин, Маргания, 2011: 587–600). Хотя критики утверждали, что, съездив в Чили, будущие российские реформаторы преисполнились стремлением использовать опыт Пиночета на практике (Игрунов, 2015), это увлечение оказалось краткосрочным, да и по прошествии лет сами участники поездки вспоминали о ней без особых эмоций (Змеиная, 2006; Львин, 2006; Кох, Свинарченко, 2003, т. 2). Тем не менее миф о Пиночете как «модельном» реформаторе (и соответственно, о «чикагских мальчиках» как ролевой модели для российских «либералов») зажил своей жизнью. Характерно, например, что 23 февраля 1993 года либеральные «Московские новости» перепечатали русский перевод «Декларации принципов военного правительства Чили», сопроводив его комментарием Михаила Леонтьева с призывом использовать чилийский опыт для борьбы с «красно-коричневым» парламентом. Образ «русского Пиночета» в 1996 году политтехнологи пытались использовать и в президентской избирательной кампании Александра Лебедя (Найшуль был соавтором одной из двух его предвыборных программ), а в 1999 году при утверждении на посту премьер-министра России в Государственной Думе предложенный Ельциным кандидат вынужденно оправдывался перед депутатами: «Я — не Пиночет, моя фамилия — Степашин». Это краткое увлечение Пиночетом, однако, не было забыто российскими «либералами»: позднее некоторые из них пытались искать заветные черты «силовика»-реформатора и во Владимире Путине.

Не будет преувеличением утверждать, что к моменту начала экономических реформ в России осенью 1991 года российские «либералы» имели достаточно целостное представление о том, как следует осуществлять преобразования, какую экономику надо построить в результате реформ и какое политическое устройство необходимо и желательно. Демократия рассматривалась ими если не как препятствие на пути экономического прогресса, то как минимум как предмет роскоши, приобретение которого для России следовало отложить на потом. Имманентно присущие демократии «дефекты» — электоральная подотчетность, риски популистской экономической политики и ограничения «свободы рук» правительства — рассматривались как не совместимые с рыночными реформами. И хотя последующие события довольно существенно повлияли на индивидуальные траектории отдельных «либералов», многие из них — от Алексея Улюкаева¹¹ до Анатолия Чубайса¹² — сохранили и даже упрочили это восприятие мира политики, которое сформировалось накануне распада СССР. Более того, это восприятие, сводившееся к формуле «либеральным реформам в экономике — твердое да, демократии в политике — вообще-то да, но не сейчас и не в первую очередь», спустя годы и десятилетия воспроизвелось в многочисленных программных документах российских властей («Стратегия-2010», «Стратегия-2020», etc.), в разработке которых «либералы» принимали самое активное участие.

Две дороги к одному обрыву

Осень 1991 года ознаменовала начало смены поколений в российской политике. «Либералы»-семидесятники в ходе гайдаровских реформ стали выдвигаться на ведущие позиции не только в правительстве, но и в публичной сфере, а «демократы»-шестидесятники начали движение по нисходящей траектории — и не только в силу возрастных ограничений. Повестка дня «демократов» казалась тогда выполненной, а «либералы»

¹¹ «Основной вопрос всякой эволюции — ограничение власти: как сделать принятие решений компетентным, зависящим от знаний и опыта, а не от результатов голосования, как добиться «режима нераспространения» политической сферы на иные сферы общественной жизни» (Улюкаев, 1995: 8).

¹² «Представьте, организовали в стране по-настоящему полностью демократические выборы, основанные на волеизъявлении трудящихся с равным доступом к СМИ, к деньгам... Результат таких выборов оказался бы на порядок хуже, а возможно, просто катастрофичен для страны» (Чубайс, 2008).

выглядели именно теми, кто только и мог решить задачу «тройного перехода». Не вдаваясь в обширную полемику о том, возможны ли были в 1990-е годы в России иные варианты проведения экономических и политических реформ и можно ли было осуществить их более успешно, чем это сделали российские «либералы»,¹³ стоит отметить, что многие черты поколения семидесятников наложили немалый отпечаток на траекторию преобразований. В то время как продолжительные дискуссии уступили место конкретным мерам, выбор приоритетов и средств достижения целей осуществлялся ими исходя из прагматической повестки дня: представления не о желаемом, а о реально возможном, краткосрочный горизонт планирования, гибкость и склонность к компромиссам сочетались с их готовностью и умением добиваться поставленных целей. Кроме того, неудачный опыт предшественников — «демократов»-шестидесятников, которые в период перестройки упустили свой (оказавшийся последним) шанс на преобразование прежней системы, — давал «либералам»-семидесятиникам ясный сигнал, как именно поступать не следует. В такой ситуации подходы «отцов» и «детей» почти неизбежно оказывались зеркально перевернутыми, в том числе в отношении выбора последовательности преобразований экономической и политической систем: «либералы» пожертвовали демократией ради рыночных реформ.

Когда в конце 1991 года Россия «заморозила» все существовавшие на тот момент политические институты и прежнее национально-государственное устройство страны, то приоритетом № 1 для политических элит (и для общественного мнения) оказалось проведение в стране экономических преобразований. Сформированное под руководством Ельцина правительство, экономический блок которого возглавил Егор Гайдар, начало либерализацию розничных цен с января 1992 года. Насколько можно судить, надежды «либералов», которые поддержали это «замораживание» политических институтов, были связаны с тем, что радикальные экономические реформы за относительно недолгий промежуток времени могли бы вывести страну из кризиса, после чего настало бы время для демократизации политического режима (Авен, Кох, 2013). Являлись эти надежды обоснованными или нет, но им не суждено было сбыться. Финансовой стабилизации правительству России быстро добиться так и не удалось: в итоге реформы российской экономики по ряду

¹³ Среди обилия литературы по теме стоит выделить следующие книги: [Shleifer, Treisman, 2000; Reddaway, Glinski, 2001; Hoffman, 2002; Åslund, 2007; Шевцова, 1999; Шейнис, 2005; Травин, 2010].

причин оказались крайне растянуты во времени: «долина слез» (Sachs, 1991) неизбежного трансформационного экономического спада оказалась насыщенной драматическими поворотами и завершилась дефолтом и девальвацией российской валюты в августе 1998 года. Политический контекст экономических преобразований в России 1990-х годов мало подходил не только на образец Чили времен Пиночета, но и на опыт посткоммунистических реформ в Восточной Европе в 1990-е годы (Appel, 2004). Объективно эти различия были связаны с тем, что после распада СССР силовой и распределительный потенциал России оказался резко ослаблен, в то время как спад производства был гораздо более сильным и длительным, чем у соседей по бывшему коммунистическому блоку. Но немалую роль играли и субъективные факторы, связанные с «политической тактикой» реформ, которые проводились самими «либералами» и их союзниками (Shleifer, Treisman, 2000).

Эта тактика, по сути, представляла собой цепь тактических соглашений не с теми, кто проиграл от первого этапа реформ, а, напротив, с теми, кто от него выиграл и оттого не был заинтересован в дальнейших преобразованиях (Hellman, 1998), — олигархами, региональными лидерами и другими соискателями ренты. «Либералы»-семидесятники (в отличие от шестидесятников) были готовы легко адаптироваться к меняющимся обстоятельствам и при необходимости легко шли на компромиссы для того, чтобы добиться возможного, и ориентировались на краткосрочные задачи, а не на заоблачное «светлое будущее». Отчасти этим обстоятельством можно объяснить отмечавшийся специалистами и самими участниками (Змеиня, 2006; Авен, Кох, 2013) феномен российских реформ 1990-х годов: по ряду важных вопросов реформирования экономики команда Гайдара чересчур легко сдавала свои позиции, надеясь на тактический выигрыш от компромиссов и стремясь получить желаемый результат в иных сферах. Она, например, под давлением сильных лоббистов согласилась отступить от антиинфляционного курса, мотивируя это, в частности, необходимостью сохранить свои позиции при проведении приватизации предприятий. Но и курс приватизации (Boyscko et al., 1995) также подвергся компромиссам и привел к тому, что большие преимущества в сравнении с первоначальными намерениями получили инсайдеры — трудовые коллективы предприятий и возглавляющие их директора (Паппэ, Галухина, 2009; Barnes, 2006). Да, в итоге массовая приватизация действительно была осуществлена полностью, став в ходе экономических реформ одной из очень немногих мер, которые действительно были доведены до логического завершения. Однако политические

издержки такого варианта проведения реформ оказались довольно велики (не только для самих реформаторов, но и для страны в целом), а после изменения курса правительства в 2000-е годы приватизацию предприятий сменила их частичная национализация, и результаты реформ во многом оказались пересмотрены (Yakovlev, 2006; Gel'man, 2010; Frye, 2017). Иначе говоря, та политика, которую проводили «либералы» в 1990-е годы, во многом противоречила их собственным идеям, сформулированным до начала экономических реформ.

Отчасти причина такой непоследовательности была связана с тем, что изначально «либералы» сами приняли на себя роль технократов-реформаторов, не стремясь выступать в качестве независимых акторов на российской политической сцене и не вступая в публичную борьбу за власть, что делало их позиции весьма уязвимыми (Gel'man, 2018). Когда же этот выход наконец состоялся в ходе парламентских выборов 1993 года, то «либералы» столкнулись не только с тем, что их идеи и лидеры пользовались лишь ограниченной (хотя и немалой) поддержкой, но и с острой конкуренцией со стороны «демократов», которые после 1991 года вроде бы оказались списаны со счетов. Точкой разрыва были события сентября-октября 1993 года, ставшие пиком политической поляризации в стране, нараставшей с 1990 года (Рогов, 2018). «Либералы», которые однозначно выступали на стороне Ельцина, активно поддержали роспуск Съезда народных депутатов и Верховного Совета России и силовые меры их подавления, воспринимая эти шаги как устранение препятствий на пути реформ. В то же время «демократы» если не явно осудили действия Ельцина, то по меньшей мере отмежевались от них. Так идейное расхождение между «либералами» и «демократами» оформилось и на политическом уровне — между блоком «Выбор России» и его преемниками — «Демократическим выбором России» и «Союзом правых сил», с одной стороны, и «Яблоком» — с другой.

Созданный под руководством ведущих «либералов» «Выбор России» (ВР), претендовавший в ходе выборов 1993 года на роль «партии власти», смог присвоить себе часть организационных ресурсов прежнего демократического движения, но выступил на выборах не слишком удачно (McFaul, 1998), и после утраты его представителями ряда правительственных постов блок был преобразован в партию «Демократический выбор России» (ДВР). Партия представляла собой типичную «полуоппозицию» (Gel'man, 2005), сочетая умеренную критику отдельных аспектов правительственного курса с безоговорочной поддержкой Кремля по наиболее важным вопросам и сохранением за своими пред-

ставителями (в частности, Чубайсом) значимых властных постов. В неблагоприятном социально-экономическом контексте середины 1990-х годов такая стратегия не сулила дивидендов, зато издержки оказались весьма существенными. Не имея возможности влиять на принятие значимых решений, «либералы» в глазах избирателей несли ответственность за неудачи правительства, в силу чего их массовая поддержка оставалась ограниченной, а влияние ДВР в «коридорах власти» ослабло. Напротив, «Яблоко», изначально возникнув стихийно как весьма пестрый конгломерат политиков и по разным причинам не вписавшихся в ВР обломков демократического движения, смогло представить свои программные принципы и установки как демократическую оппозицию ельцинскому режиму и привлечь на свою сторону не слишком большое, но весьма заметное число избирателей. Последующие усилия, предпринятые лидером «Яблока» Григорием Явлинским и рядом других деятелей (прежде всего бывшим участником диссидентского движения шестидесятником Вячеславом Игруновым), позволили превратить «Яблоко» в полноценную политическую партию (Hale, 2004; White, 2006; Gel'man, 2005).

Таким образом, «либералы» и «демократы» стали конкурентами в политической борьбе, и их отношения оказались весьма напряженными. Связано это было с тем, что институциональные и политические стимулы к коалиционной политике российских партий были весьма невелики даже среди идейно близких партий: по сути, единственным возможным вариантом выстраивания коалиций было «недружественное поглощение» более мелких образований более крупными (Щербак, 2002). Разность потенциалов ВР-ДВР-СПС и «Яблока» была не настолько велика для такого поглощения, а претензии более близкого к Кремлю и обладавшего большими ресурсами ДВР на то, чтобы задушить «Яблоко» в своих объятиях, встречали резкую критику со стороны «демократов» (Явлинский, 1995). С точки зрения позиционирования обеих партий по наиболее значимым вопросам их подходы отличались довольно кардинально: «либералы» поддержали на референдуме декабря 1993 года президентский проект конституции и на президентских выборах 1996 года активно выступили за переизбрание Ельцина. «Демократы», напротив, после острых дискуссий отказались поддержать на референдуме проект конституции (Шейнис, 2005, т. 2), Явлинский баллотировался в ходе президентских выборов 1996 года, и во втором туре «Яблоко» отказалось поддержать Ельцина.

С точки зрения стратегического позиционирования «демократы» из «Яблока» разрывалось между сближением с «либералами» (апологетом этой точки зрения выступал Шейнис) и максимальным дистанцированием

от них (за что, в частности, активно выступал Игрунов). Вместе с тем попытки сдвига «Яблока» в сторону ниши «демократической левой» партии, предпринимавшиеся тем же Игруновым, поддержки «демократов» не получили.¹⁴ Но на свою беду, «Яблоку» так и не удалось однозначно сформулировать идейную альтернативу «либералам» в части предлагаемого ими политического курса. Позиции партии в целом были несколько более левыми, чем у конкурентов-«либералов», отличаясь в особенности в части подходов к приватизации (Dmitriev, 1999). Но эти разногласия не всегда были понятны сторонникам обоих течений, да и рядовым активистам, из-за чего многие разногласия «демократов» и «либералов» воспринимались наблюдателями по большей части лишь как проявления персональных конфликтов, и не более того.

В свою очередь, «либералы» также отнюдь не представляли собой монолитный блок, однако их внутренние противоречия касались тех аспектов российской политики, которые выходили за пределы экономической повестки дня. Егор Гайдар последовательно выступал против имперских поползновений российских властей, протестуя против первой чеченской войны в качестве лидера ДВР (в этом отношении «либералы» солидаризировались с «Яблоком») и подробно обосновав свою позицию в книге «Гибель империи» (Gaidar, 2007), заключительная часть которой оказалась пророческой в свете последующей аннексии Крыма. Напротив, Чубайс приветствовал действия российской армии в начале второй чеченской войны, а в 2003 году выдвинул лозунг превращения России в «либеральную империю» (Чубайс. 2003), сохранив приверженность ему и позднее. Но в отношении экономических преобразований программные позиции «либералов» оставались более или менее прежними, хотя в своей практической деятельности «либералы» им следовали, мягко говоря, отнюдь не всегда.

Хотя на думских выборах 1995 года ДВР потерпел сокрушительное поражение, «либералы» не только не выбыли из «высшей лиги» российской политики, но и упрочили влияние благодаря активному участию в пестрой проельцинской коалиции на президентских выборах 1996 года и последующему контролю над рядом правительственных постов (Авен, 2018; Freeland, 2000; Hoffman, 2002). Да и после финансового

¹⁴ Такой сдвиг в 1990-е годы, скорее всего, был бы стратегически неоправданным с точки зрения борьбы за голоса избирателей. Да и по сей день идеи «демократических левых» пользуются в России лишь весьма незначительной поддержкой (Завадская, 2019).

кризиса 1998 года, вина за который была возложена на «либералов», они сумели проявить организационную сплоченность и сформировать новую коалицию, успешно выступившую на выборах 1999 года как «Союз правых сил». Примечательно, что к тому моменту «либералы» стратегически отказались от присвоения наследия «демократов» и позиционировали себя как «правых», в ходе кампании солидаризируясь с Путиным. Благодаря поддержке со стороны Кремля им удалось не только вернуться в парламент, но и одержать принципиальную победу над конкурентами из «Яблока» (Зудин, 2000: 180–185). «Демократы» же, в свою очередь, столкнулись с глубоким внутренним кризисом. Хотя «Яблоко» выступало против любых инициатив Кремля, систематически отказываясь «выбирать из двух зол», но в результате стало «полуответственной» (Sartori, 1976) оппозицией, в принципе неспособной претендовать на участие в правительстве, что препятствовало расширению его электоральной базы. Проще говоря, в глазах своих сторонников «Яблоко» не выглядело партией, которая могла хоть в какой-то мере реализовать собственную программу. Попытки переломить ситуацию успеха не имели, а неудачный для «Яблока» исход думских выборов 1999 года продемонстрировал иллюзорность электоральных перспектив «демократов» (Овчинников, 2000).

В результате в 2000–2003 годах как «либералы», так и «демократы» оказались в не слишком выигрышной роли полуоппозиции. Для «либералов» это означало, что Кремль лишь тактически нуждался в союзе с ними, и дивиденды от претензий на роль младшего партнера для СПС были невелики. Кризис «Яблока» в тот же период лишь усугубился: его ряды покинули несколько известных думских депутатов (включая Игнурова) и региональных активистов; в то время как его прежние идеи пользовались все меньшим спросом у избирателей, новых идей у «демократов» попросту не просматривалось. На этом фоне СПС, который выступал «мотором» новой волны либеральных реформ начала 2000-х годов (Gel'man, Starodubtsev, 2016) и, казалось бы, вновь воспрял духом, предпринял несколько новых попыток задуть в своих объятиях «демократов» из «Яблока». Это противостояние преобладало и на думских выборах 2003 года: «либералы» вели борьбу не столько за голоса избирателей, сколько за устранение «яблочных» конкурентов, которые отвечали им тем же, что подрывало позиции обоих участников конфликта. Впрочем, эти выборы, по сути, стали «лебединой песней» для обеих партий: как «либералы», так и «демократы» не попали в Государственную Думу четвертого созыва, после чего заместитель главы президент-

ской администрации Владислав Сурков заявил об исчерпанности исторической миссии этих партий в России.

Последующие события продемонстрировали глубокий упадок обоих политических лагерей. «Либералы» вскоре пережили размежевание в своей среде на «системных» лоялистов Кремлю и «несистемных» критиков Кремля, сблизившихся с «демократами», которые, в свою очередь, все более политически маргинализировались на фоне усиления авторитарных тенденций в стране. Их противостояние со временем становилось менее значимым в глазах широкой публики, особенно по мере выхода на политическую арену нового поколения оппозиционных политиков в России (Gel'man, 2015b). Но, абстрагируясь от деталей текущих политических тенденций в стране, следует задаться вопросом о причинах и механизмах идейной борьбы между «либералами» и «демократами» в России, о ее влиянии на траектории трансформации в стране и о перспективах реформистских идей в будущем.

Вместо заключения: взлет и падение реформистских идей

Почему одни идеи оказывают воздействие на процессы общественных преобразований, а другие нет? Ответ на этот вопрос может быть дан сквозь призму как «спроса», так и «предложения» на рынке идей. Спрос на идеи возрастает в периоды, когда ситуация в тех или иных обществах воспринимается как кризисная и элитами, и общественным мнением: идеи помогают оценивать ситуацию и принимать значимые решения в условиях неопределенности. Но по мере исчерпания неопределенности спрос на идеи может падать, при этом оставляя не у дел их производителей и распространителей. С этой точки зрения взлет реформистских идей во времена перестройки и упадок идей «либералов» и «демократов» в 2000-е годы могли быть объяснены как следствие динамики на стороне идейного спроса. До начала перестройки спрос на альтернативные идеи был искусственно ограничен, а после посткоммунистической трансформации по мере консолидации нового политико-экономического порядка в России идеи «либералов» и «демократов» перестали быть востребованы. Новый всплеск спроса на рынке идей в 2010-е годы повлек за собой выход на авансцену идей, далеких от модернизации, в то время как идеям демократии и рыночных реформ места на идейном рынке попросту не нашлось.

Однако для понимания борьбы между разными реформистскими идеями анализ спроса на идейном рынке должен быть дополнен анализом предложения идей с точки зрения не только содержания идей как таковых, но и с точки зрения действий их производителей и распространителей. Хотя предложение идей не всегда напрямую связано с их воздействием на текущую повестку дня (Стедмен-Джоунс, 2017), но без оформленных идей и активных усилий различных агентов по их продвижению говорить о влиянии идей попросту не приходится. Случай России конца 1980-х — начала 2000-х годов демонстрирует определенный дисбаланс спроса и предложения на идейном рынке. Предложение идей со стороны «демократов» носило слишком общий характер и в целом было слабо продумано, а его производители и распространители не готовы были к тому, чтобы удовлетворить внезапно возникший спрос со стороны элит и общественности на эти идеи. Предложение идей со стороны «либералов» хотя и было более продуманным и целостным, но оно концентрировалось лишь на одном (исключительно важном) аспекте «тройного перехода» — строительстве рыночной экономики — и ориентировалось на разовое применение в конкретном контексте преобразований. В результате «либералам» благодаря удачному для них стечению обстоятельств (смена поколений на фоне неудовлетворенности идеями «демократов») удалось в краткосрочной перспективе начала 1990-х годов одержать победу на рынке реформистских идей, но в среднесрочной перспективе идейной борьбы как «либералы», так и «демократы» потерпели тяжелое поражение.

Другим принципиально важным уроком из российского опыта конца 1980-х — начала 2000-х годов служит тот факт, что в борьбе на идейном рынке важны не только и не столько сами идеи как таковые, сколько их восприятие элитами и общественностью, помноженное на восприятие фигур производителей и распространителей этих идей. «Демократы»-шестидесятники проиграли в идейной борьбе своим более молодым, более образованным и более современным конкурентам — «либералам»-семидесятникам. Но и тем, в свою очередь, не удалось стать «властителями дум» значительной части интеллектуалов, не говоря уже о широкой общественности (хотя часть из них в 1990-е годы и оказала влияние на позиции российских элит) и сохранить ключевую роль в подготовке и принятии значимых решений (это влияние «либералов» остается не утраченным до конца и по сей день, хотя оно и весьма незначительно).

Вместе с тем поражение «демократов» и «либералов» в борьбе идей отнюдь не говорит о том, что их идеи оказались бесполезны и не сыграли

значимой роли в трансформации России в конце XX века — такие оценки были бы явно несправедливы. Тот факт, что наша страна смогла построить рыночную экономику (хотя и несвободную и весьма неэффективную) и провозгласила себя демократией, декларировав (но не воплотив в жизнь) принципы политических и гражданских свобод, во многом стал следствием продвижения реформистских идей. Хотя производители и распространители этих идей в конце 1980-х — начале 1990-х годов вряд ли узнали бы в России конца 2010-х годов воплощение своих замыслов, но реформистские идеи помогли вывести нашу страну из того тупика, в котором она находилась на момент начала перестройки, и в немалой мере помогли тому, что этот выход стал необратимым. Но выход из тупика прошлого сам по себе не предотвращает попадание в новые тупики в будущем — к такому развитию событий в России начала XXI века ни «демократы», ни «либералы» готовы не были.

К концу 2010-х годов шестидесятники окончательно сошли с российской идейной сцены, да и от сменивших их семидесятников трудно ожидать нового предложения на рынке идей. Но что нового могут принести в борьбу идей в России новые поколения «демократов» и «либералов» в отличие от своих предшественников? Окажутся ли их идеи востребованы в обозримом будущем, и если да, то в каком ключе? Ответ на эти вопросы выглядит как минимум неочевидным. На первый взгляд, «демократы» после краха 2000-х годов более или менее успешно нашли себя в нише правозащитной деятельности, сохранив «ядро» своих производителей и распространителей. Но «нишевый» характер идей, хотя и позволяет воспроизводить прежние идеалы, объективно оставляет мало шансов на то, что при появлении в России нового спроса на демократические идеи¹⁵ «демократы» окажутся востребованы в этом качестве. Неочевидными выглядят и попытки трансформировать идеи «демократов» посредством прививки популизма, предпринимаемые в 2010-е годы Алексеем Навальным (Lassila, 2016). Хотя эти шаги призваны стимулировать новый спрос на идейном рынке, но неясно, в какой мере соответствующее идейное предложение окажется целостным и успешным, или же оно станет лишь политехнологическим приемом в борьбе против нынешнего режима. Сложнее оценить перспективы российских «либе-

¹⁵ Пока свидетельства в отношении такого нового спроса в России в ближайшем будущем противоречивы, и оценки специалистов варьируются от явного оптимизма (Белановский, 2019) до осторожного скепсиса (Завадская, 2018; Завадская 2019).

ралов», чьи идеи (как и их носители) после краткосрочного успеха во многом оказались — справедливо или нет — дискредитированы в восприятии российской общественности. Приход нового поколения не изменил — по крайней мере, пока — идейный ландшафт в этом политическом лагере, а новые идеи пока не настолько оформлены, чтобы всерьез претендовать на борьбу за умы и сердца россиян. Более того, сложившийся еще в 1990-е годы разрыв между «либералами» и «демократами» со временем лишь усугубляется (Вишневский, 2019), и говорить об их сближении в обозримом будущем явно не приходится.

Так или иначе, идеи российской модернизации, продвигавшиеся «демократами» и «либералами» конца XX века, не стоит списывать в архив. Новые попытки модернизации нашей страны в будущем не смогут обойтись без реформистских идей, которые, безусловно, будут отличаться от тех, что определяли идейную повестку дня 20–30 лет назад. От их успеха на идейном рынке во многом будет зависеть повестка дня нового раунда российской трансформации, и оттого уроки опыта российских «демократов» и «либералов» остаются актуальными с точки зрения перспектив России.

Литература

- Авен П. (2018), *Время Березовского*, М.: АСТ; Corpus.
- Авен П., Кох А. (2013), *Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук*, М.: Апыпина Паблишер.
- Афанасьев Ю. (ред.) (1988), *Иного не дано*, М.: Прогресс.
- Барбакадзе М. (2007), *Шестидесятники*, М.: Фонд «Либеральная миссия»; <http://www.liberal.ru/upload/files/60-desyatniki.pdf> (доступ 8 апреля 2019).
- Баткин Л. (1988), Статья Европой, *Век XX и мир*, № 8, с. 30–35.
- Баткин Л. (1989), Мертвый хватает живого, *Литературная газета*, 20 сентября.
- Батыгин Г. (ред.) (1999), *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*, СПб.: Российский христианский гуманитарный институт.
- Белановский С. (2019), Исследование в марте 2019 г., *Facebook.com*, 28 марта; https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=634738540297142&id=100012830048721 (доступ 8 апреля 2019).
- Буртин Ю. (ред.) (1992), *Год после августа: горечь и выбор*, М.: Литература и политика.

Васильев С. (2011), *Интеллектуальная подготовка реформ 90-х*, Стенограмма лекции, 8 декабря; <http://lectures.gaidarfund.ru/articles/1152> (доступ 8 апреля 2019).

Васильев С., Львин Б. (1989), Социальные механизмы экономической реформы и характер переходного процесса, в: Ф. Бородкин, Л. Косалс, Р. Рывкина (ред.), *Постижение: социология, социальная политика, экономическая реформа*, М.: Прогресс, 1989, с. 409–421.

Вишневецкий Б. (2019), Свидетели либералов: к дискуссии о новом фильме Виталия Манского, *Новая газета*, 14 января; <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/01/12/79162-svideteli-liberalov> (доступ 8 апреля 2019).

Гайдар Е. (2009), Смуты и институты, в: Гайдар Е. *Власть и собственность*, СПб.: Норма, с. 5–182.

Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. (2002), *Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991–2001*, М.; СПб.: Летний сад; Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Гельман В., Травин Д. (2013), «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ, *Неприкосновенный запас*, № 4, с. 14–38.

Дерлугьян Г. (2010), А был ли нужен Пиночет? *Эксперт*, № 1, с. 78–83.

Жестким курсом (1990), Жестким курсом... Аналитическая записка Ленинградской ассоциации социально-экономических наук, *Век XX и мир*, № 6, с. 15–19.

Завадская М. (2018), Российская молодежь: флагман политической активности или якорь авторитаризма? *Ridl.io*, 13 декабря; <https://www.ridl.io/ru/gossijskaja-molodezh-flagman-politich/> (доступ 8 апреля 2019).

Завадская М. (2019), Левый поворот общества или правый поворот государства? *Ridl.io*, 25 февраля; <https://www.ridl.io/ru/levyj-povorot-obshhestva-ili-pravuj-povorot-gosudarstva/> (доступ 8 апреля 2019).

Заславская Т. (1988), О стратегии социального управления перестройкой, в: Ю. Афанасьев (ред.), *Иного не дано*, М.: Прогресс, с. 9–50.

Змеиная (2006), Змеиная горка, *Полит.ру*; <http://polit.ru/tag/zmeinka/> (доступ 8 апреля 2019).

Зудин А. (2000). Союз правых сил, в: М. Макфол, Н. Петров, А. Рябов (ред.). *Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов*, М.: Гендальф, с. 180–196.

Игрунов В. (2015), Во время ГКЧП произошла революция в самом Ельцине, *lenta.ru*, 25 мая; <https://lenta.ru/articles/2015/05/25/igrunov/> (доступ 8 апреля 2019).

Капустин Б. (1995), Либеральная идея и Россия (пролегомены к концепции современного российского либерализма), в: С. Чернышев (ред.), *Иное: хресто-*

матия нового российского самосознания, М.: Аргус; <http://ecsocman.hse.ru/data/527/678/1219/067.KAPUSTIN.pdf> (доступ 8 апреля 2019).

Кловер Ч. (2017), *Черный ветер, белый снег: новый расцвет русского национализма*, М.: Фантом-пресс.

Кох А., Свинарченко И. (2003), *Ящик водки*, в 4 тт., М.: Эксмо.

Львин Б. (2006), Просили мемуар? *Livejournal.com*, 12 декабря; <https://bbb.livejournal.com/1684492.html> (доступ 8 апреля 1989).

Мигранян А. (1989), Долгий путь к европейскому дому, *Новый мир*, № 7, с. 166–184.

Мигранян А., Клямкин И. (1989), Нужна «железная рука»? *Литературная газета*, 16 августа.

Найшуль В. (1989), Проблема создания рынка в СССР, в: Ф. Бородин, Л. Косалс, Р. Рывкина (ред.), *Постыжение: социология, социальная политика, экономическая реформа*, М.: Прогресс, 1989, с. 441–454.

Номенклатурный (1992), Номенклатурный реванш за фасадом антиноменклатурной революции. Выдержки из аналитической записки центра «РФ-Политика», *Независимая газета*, 22 февраля.

Овчинников Б. (2000), «Яблоко», в: М. Макфол, Н. Петров, А. Рябов (ред.), *Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов*, М.: Гендальф, с. 167–179.

Паппэ Я., Галухина Я. (2009), *Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономическая хроника 1993–2008*, М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.

Радаев В. (1998), *Экономическая социология*, М.: Аспект-пресс.

Рогов К. (2018), Кризис перехода: Октябрь 1993-го и уроки макроистории, *Inliberty.ru*, 6 октября; <https://www.inliberty.ru/magazine/issue8/> (доступ 8 апреля 2019).

Сахаров А. (1989), *Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии (проект народного депутата СССР, академика А. Д. Сахарова)*, 27 ноября; <http://constitution.garant.ru/history/active/1024/> (доступ 8 апреля 2019).

Сигман К. (2014), *Политические клубы и перестройка в России: оппозиция без диссидентства*, М.: Новое литературное обозрение.

Сонин К. (2007), Реформы и институты: взгляд экономиста, *Новое литературное обозрение*, № 83; <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/so25.html> (доступ 8 апреля 2019).

Стедмен-Джоунс Д. (2017), *Рождение неolibеральной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер*, М.; Челябинск: Социум.

Травин Д. (2010), *Очерки новейшей истории России, книга 1 (1985–1999)*, СПб.: Норма.

Травин Д. (2011), *Семидесятные — анализ поколения*, Препринт М-25/11, Центр исследований модернизации Европейского университета

в Санкт-Петербурге; http://eu.spb.ru/images/M_center/M_25_11.pdf (доступ 8 апреля 2019).

Травин Д. (2018), *Особый путь России: от Достоевского до Кончаловского*, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. (2017), *Российский путь: идеи, интересы, институты, иллюзии*, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д., Маргания О. (2004), *Европейская модернизация*, в 2 т., М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica.

Травин Д., Маргания О. (2011), *Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара*, М.: АСТ; Астрель.

Улюкаев А. (1995), Либерализм и политика переходного периода в современной России, *Мир России*, № 2, с. 3–35.

Черняев А. (2009), *Совместный исход (Дневник двух эпох. 1972–1991 годы)*, М.: РОССПЭН.

Чубайс А. (2003), *Миссия России — либеральная империя*, выступление в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете, 25 сентября; <https://www.lenpravda.ru/today/251871.html> (доступ 8 апреля 2019).

Чубайс А. (2008), Куда не уйдет Чубайс, *The New Times*, 11 февраля; <https://newtimes.ru/articles/detail/4770> (доступ 8 апреля 2019).

Шахназаров Г. (2001), *С вождями и без них*, М.: Вагриус.

Шевцова Л. (1999), *Режим Бориса Ельцина*. М.: РОССПЭН.

Шейнис В. (2005), *Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике*, в 2 т., М.: Московский центр Карнеги.

Щербак А. (2002), Коалиционная политика российских партий, в: В. Гельман, Г. Голосов, Е. Мелешкина (ред.). *Второй электоральный цикл в России, 1999–2000*. М.: Весь мир, с. 107–133.

Явлинский Г. (1995). В расколе демократов трагедии нет, *Известия*, 13 июля.

Acemoglu D., Robinson J. A. (2012), *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, New York: Crown Business.

Almond G. (1988), Separate Tables: Schools and Sects in Political Science, *PS: Political Science and Politics*, vol. 21, N 4, p. 828–842.

Appel H. (2004), *A New Capitalist Order: Privatization and Ideology in Russia and Eastern Europe*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Appel H., Orenstein M. (2016), Why Did Neoliberalism Triumph and Endure in the Post-Communist World, *Comparative Politics*, vol. 48, N 3, p. 313–331.

Åslund A. (1991), *Gorbachev's Struggle for Economic Reforms*, 2nd ed., Ithaca, NY: Cornell University Press.

Åslund A. (2007), *Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed*, Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.

Barnes A. (2006), *Owning Russia: The Struggle over Factories, Farms, and Power*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Boycko M., Shleifer A., Vishny R. (1995), *Privatizing Russia*, Cambridge, MA: MIT Press.

Dawisha K. (2014), *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* New York: Simon and Schuster.

Denzau A., North D.C. (1994), Sharing Mental Models: Ideologies and Institutions?, *Kyklos*, vol. 47, N 1, p. 3–31.

Dmitriev M. (1999), Party Economic Programs and Implications, in: M. McFaul, N. Petrov, A. Ryabov, E. Reicsh (eds.), *Primer on Russia's 1999 Duma Elections*, Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, p. 31–60.

Downs A. (1957), *An Economic Theory of Democracy*, New York: Harper.

Fish M. S. (1995). *Democracy from Scratch: Opposition and Regime in a New Russian Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Flikke G. (1999). Patriotic Left-Centrism: the Zigzags of the Communist Party of the Russian Federation. *Europe-Asia Studies*, vol. 51, N 2, p. 275–298.

Freeland C. (2000), *Sale of the Century: Russia's Wild Rule from Communism to Capitalism*, New York: Crown Business.

Frye T. (2010), *Building States and Markets after Communism: The Perils of Polarized Democracy*, Cambridge: Cambridge University Press.

Frye T. (2017), *Property Rights and Property Wrongs: How Power, Institutions, and Norms Shape Economic Conflict in Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.

Gaidar, Y. (2007), *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia*, Washington, DC: Brookings Institution Press.

Gel'man V. (2005), Political Opposition in Russia: A Dying Species?, *Post-Soviet Affairs*, vol. 21, N 3, p. 226–246.

Gel'man V. (2010), The Logic of Crony Capitalism: Big Oil, Big Politics, and Big Business in Russia, in: V. Gel'man, O. Marganiya (eds.), *Resource Curse and Post-Soviet Eurasia: Oil, Gas, and Modernization*, Lanham, MD: Lexington Books, p. 97–122.

Gel'man V. (2015a), *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes*, Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.

Gel'man V. (2015b), Political Opposition in Russia: A Troubled Transformation, *Europe-Asia Studies*, vol. 67, N 2, p. 177–191.

Gel'man V. (2018), Politics versus Policy: Technocratic Traps of Russia's Policy Reforms, *Russian Politics*, vol. 3, N 2, p. 282–304.

Gel'man V., Starodubtsev A. (2016), Opportunities and Constrains of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms of the 2000s, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, N 1, p. 97–117.

Hale H. (2004), Yabloko and the Challenge of Building a Liberal Party in Russia, *Europe-Asia Studies*, vol. 56, N 7, p. 993–1020.

Hale H. (2015), *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*, Cambridge: Cambridge University Press.

Hanson S. (2010), *Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.

Hellman J. (1998), Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-communist Transitions, *World Politics*, vol. 50, N 2, p. 203–234.

Hinich M. J., Munger M. C. (1994), *Ideology and the Theory of Political Choice*, Ann Arbor: University of Michigan Press.

Hoffman D. (2002), *The Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia*, New York: Public Affairs Books.

Huntington S. (1968), *Political Order in Changing Societies*, New Haven: Yale University Press.

Huntington S. (1991), *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, Norman, OK: University of Oklahoma Press.

Inglehart R., Welzel C. (2005), *Modernization, Cultural Changes, and Democracy: The Human Development Sequence*, Cambridge: Cambridge University Press.

Johnson J. (2016), *Priests of Prosperity: How Central Bankers Transformed the Postcommunist World*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Laruelle M. (2018), *Russian Nationalism: Ideologies, Doctrines, and Political Battlefields*, Abingdon: Routledge.

Lassila J. (2016), Aleksei Naval'nyi and Populist Re-Ordering of Putin's Stability, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, N 1, p. 118–137.

Lukin A. (2000), *The Political Culture of the Russian "Democrats"*, Oxford: Oxford University Press.

McFaul, M. (1998), Russia's Choice: The Perils of Revolutionary Democracy, in: T. Colton, J. Hough (eds.), *Growing Pains: Russian Democracy and the Election of 1993*. Washington, DC: Brookings Institution Press, p. 115–139.

Miller C. (2016), *The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR*, Chapel Hill: University of North Carolina Press.

North D. C. (1981), *Structure and Change in Economic History*, New York: W. W. Norton.

North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. (2009), *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Offe C. (1991), Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe, *Social Research*, vol. 58, N 4, p. 865–892.

Przeworski A. (1991), *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*, Cambridge: Cambridge University Press.

Reddaway P., Glinski D. (2001), *The Tragedy of Russian Reforms: Market Bolshevism Against Democracy*, Washington, DC: United States Institute of Peace.

Robertson G. (2011), *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.

Sachs J. D. (1991), Crossing the Valley of Tears in East European Reform, *Challenge*, vol. 34, N 5, p. 26–34.

Sartori G. (1976), *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*, vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.

Sautman B. (1995), The Devil to Pay: the 1989 Debate and the Intellectual Origins of Yeltsin's Soft Authoritarianism, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 28, N 1, p. 131–151.

Shleifer A., Treisman D. (2000), *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*, Cambridge, MA: MIT Press.

Sokolov B., Inglehart R., Ponarin E., Vartanova I., Zimmerman W. (2018), Disillusionment and Anti-Americanism in Russia: From Pro-American to Anti-American Attitudes, *International Studies Quarterly*, vol. 62, N 1, p. 534–547.

Taylor B. (2018), *The Code of Putinism*, Oxford: Oxford University Press.

Urban M., with V. Igrunov and S. Mitrokhin (1997). *The Rebirth of Politics in Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.

Vujacic V. (1996), Gennadiy Zyuganov and the “Third Road”, *Post-Soviet Affairs*, vol. 12, N 2, p. 118–154.

White D. (2006), *The Russian Democratic Party Yabloko: Opposition in a Managed Democracy*, Aldershot: Ashgate.

Yakovlev A. (2006), The Evolution of Business-State Interactions in Russia: From State Capture to Business Capture? *Europe-Asia Studies*, vol. 58, N 7, p. 1033–1056.

Yurchak A. (2005), *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*, Princeton: Princeton University Press.

Zubok V. (2009), *Zhivago's Children: Last Russian Intelligentsia*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Zweynert J. (2018), *When Ideas Fail: Economic Thought, the Failure of Transition, and the Rise of Institutional Instability in Post-Soviet Russia*, Abingdon: Routledge.

Владимир Гельман

**«Либералы» versus «демократы»: идейные траектории
постсоветской трансформации в России**

Препринт М-72/19

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 29.04.19.

Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.



**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА**.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ
ИСТОРИЮ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**. Pittsburgh:
University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**.
СПб.: НОРМА, 2015.

Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?** СПб.: НОРМА, 2016.

Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. **РОССИЙСКИЙ ПУТЬ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУТЫ,
ИЛЛЮЗИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

Травин Д. **«ОСОБЫЙ ПУТЬ РОССИИ»: ОТ ДОСТОЕВСКОГО ДО КОНЧАЛОВСКОГО**. СПб.:
Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

